

Юдит Шалански
Шея
жирафа

Роман воспитания

Юдит Шалански

Шея жирафа

«WebKniga»

2011

Шалански Ю.

Шея жирафа / Ю. Шалански — «WebKniga», 2011

Иронично-трагичный «роман воспитания» молодой немецкой писательницы рассказывает о трех днях из жизни Инги Ломарк, учительницы биологии и физкультуры еще гэдээровской закалки в провинциальной гимназии, которую скоро закроют из-за нехватки учеников. Инга твердо верит в законы природы, естественный отбор и конкуренцию как основу развития общества. Она думает, что знает все о себе, своих учениках и о жизни вообще, но отчего тогда ее безупречная педагогическая карьера заканчивается крахом?.. «Шея жирафа» стала в Германии бестселлером, вошла в длинный список Немецкой литературной премии и получила звание самой красивой немецкой книги 2012 года. На русском языке издается впервые.

© Шалански Ю., 2011

© WebKniga, 2011

Содержание

ПРИРОДНЫЕ КОМПЛЕКСЫ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юдит Шалански

Шея жирафа. Роман воспитания

ПРИРОДНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

– Садитесь, – сказала Инга Ломарк, и ученики сели. – Откройте учебники на странице семь, – сказала она, и они открыли учебники на странице семь и начали изучать экосистемы, природные комплексы, взаимосвязи пространства и сообщества, отношения между видами, между живыми организмами и окружающей средой. От пищевой цепи смешанного леса они перешли к пищевой цепи луга, от рек – к озерам и, наконец, к пустыне и к ваттам.

– Как видите, никто – ни животное, ни человек – не может существовать сам по себе, отдельно от других. В мире живых организмов царит конкуренция. Порой и нечто вроде сотрудничества. Но это бывает редко. Важнейшими формами сосуществования являются конкуренция и отношения «пища-потребитель».

Инга Ломарк начала рисовать схему, соединяя стрелками мхи, лишайники и грибы с дождевыми червями и жуками-оленьями, ежами и землеройками, с большой синицей, косулей и ястребом-тетеревятником и, наконец, с волком – на доске постепенно вырастала пирамида, на вершине которой устроились хищники и человек.

– Нет таких животных, которые питались бы орлами или львами. Это факт.

Она сделала шаг назад, чтобы взглянуть на разросшийся рисунок. Схема объединяла продуцентов с первичными и вторичными консументами, производителей – с потребителями первого, второго и третьего порядков и конечно же с непременными крошечными разрушителями: все они были неразрывно связаны друг с другом дыханием, теплообменом и приростом биомассы. Всё в природе – если и не каждое живое существо, то, во всяком случае, каждый вид – имеет свое место и свое назначение: есть и быть съеденным.

– Перерисуйте схему в тетради.

Она говорила, они делали.

Год только начался. Окончательно остался в прошлом беспокойный июнь, пора удушливой жары и голых плеч, когда яркие солнечные лучи били в стеклянный фасад здания и превращали, классную комнату в теплицу. В пустых головах зарождалось предчувствие каникул. Уже только предвкушая, что скоро можно будет бездельничать целыми, днями, дети утрачивали всякую концентрацию. Сидели развалясь, дремали и ждали каникул. Жирная кожа. Потная жажда свободы. Глаза, красные от купания. Кто-то становился рассеянным – и непредсказуемым. Кто-то, в ожидании годовых оценок, разыгрывал комедию раболепства: клал, контрольную работу по биологии на учительский стол, как кошка – пойманную мышь на ковер в гостиной. Лишь затем, чтобы на следующем уроке, с калькулятором, наготове, ждать объявления оценок и тут же кинуться рассчитывать, с точностью до трех знаков после запятой, насколько улучшился его средний балл.

Но Инга Ломарк – не из тех, кто в конце учебного года теряет бдительность лишь потому, что вскоре предстоит расстаться с учениками. Она не боится почувствовать себя никому не нужной, даже оставшись в одиночестве. Некоторые коллеги по мере приближения летних каникул становятся невероятно покладистыми, почти нежными. Превращают урок в детский утренник. Тут – посмотрят сквозь пальцы, там – ласково похлопают, подбодрят: «Выше голову!», а еще устраивают это убожество – фильмы показывают. Высокие оценки обесцениваются, отметка *отлично* уже ничего ее стоит. Но хуже всего – порочная практика округлять годовые оценки, чтобы перетащить в следующий класс безнадежных слабаков. Как будто это когда-нибудь кому-нибудь помогало. Коллеги просто не понимают, что сбли-

жение с учениками вредит здоровью. Ученики – это кровопийцы, которые высасывают твою жизненную энергию. Питаются кровью педколлектива, твоей ответственностью и страхом допустить промах в надзоре за детьми. Набрасываются на учителей. Со своими бессмысленными вопросами, убогими идеями и неаппетитными секретами. Это же вампиризм чистой воды.

Инга Ломарк больше не позволяла высасывать из себя соки. Она прославилась тем, что могла натянуть вожжи и держать учеников в узде, не впадая при этом в бешенство и не швыряя связки ключей. И она этим гордилась. Отпустить вожжи можно всегда. Время от времени пряничек среди ясного неба.

Ученикам необходимо задать направление, надеть им на глаза шоры, чтобы научить концентрироваться. А если они все-таки вдруг отвлекутся, достаточно поскрести ногтями по доске или рассказать о ленточном черве. Школьники все время должны чувствовать, что находятся в твоей власти. Это для них лучше всего. Пусть не думают, что им есть что сказать. У ее учеников нет ни права голоса, ни свободы выбора. Выбора нет ни у кого. Есть только искусственный отбор, и больше ничего.

Год только начался. Даже если по календарю он уже давно идет. Для нее он начинался сегодня, первого сентября, которое в этом году пришлось на понедельник. Именно сейчас, увядающим летом, а не в сияющий огнями сочельник, строила планы Инга Ломарк. Хорошо, что работа учителя позволяет перейти в новый календарный год так легко. Просто перелистываешь страницу ежедневника, и не нужно никакого обратного отсчета секунд и звона фужеров с шампанским.

Инга Ломарк оглядела три ряда парт, ее повернув голову ни на сантиметр. За годы работы она довела этот всемогущий, неподвижный взгляд до совершенства. Если верить статистике, как минимум два ученика из класса интересуются предметом по-настоящему. Но, судя по сегодняшнему классу, статистика в опасности. Распределение Гаусса – более или менее. И как им только удалось доучиться до старших классов?

Сразу видно, что все шесть недель каникул они бездельничали. Книг никто из них не открывал. Большие каникулы. Не такие большие, как раньше. Но все равно слишком длинные! Потребуется как минимум месяц, чтобы вновь приучить их к биоритму школы. Хорошо хоть, ей не нужно выслушивать их рассказы. Пусть Шваннеке слушает: она же в каждом новом классе устраивает игру-знакомство. Через полчаса все участники опутаны красной шерстяной нитью и знают имена и хобби своих соседей по парте.

Все сидят поодиночке. Так еще больше бросается в глаза, как их мало. Скучная публика ее естественно-научного театра. Двенадцать учеников: пять мальчиков, семь девочек. Тринадцатый вернулся в общеобразовательную школу, хотя Шваннеке боролась за него до последнего: бесконечные дополнительные занятия, визиты домой, заключение психолога. Какое-то нарушение концентрации. Чего только не придумают! Сплошные бог знает где вычитанные нарушения развития. Сначала легастения, потом дискалькулия. А что будет дальше? Аллергия на биологию? Раньше были только неспортивные и немзыкальные дети. Но и они должны были бегать и петь вместе со всеми. Нужно иметь силу воли – только и всего.

Тащить за собой слабых не имеет смысла. Это балласт, мешающий продвижению остальных. Прирожденные рецидивисты. Паразиты на здоровом теле класса. Рано или поздно недоразвитые отстанут. Бессмысленно давать им новый шанс после каждой неудачи. Наоборот, пусть посмотрят правде в глаза, причем чем раньше, тем лучше. А правда в том, что у них отсутствуют необходимые качества, чтобы стать полноценными, то есть полезными, членами общества. К чему лицемерить? Это дано не каждому. Да и с какой стати? Отстающие есть в каждом, классе. Встречаются и такие, что за счастье привить им хотя бы основополагающие добродетели. Вежливость, пунктуальность, чистоплотность. Просто

безобразия, что отменили оценку за поведение. Порядок. Прилежание. Активность. Поведение. Свидетельство несостоятельности этой системы образования.

Чем дольше не избавляешься от неудачника, тем опаснее он становится. Начинает теснить окружающих и выдвигать необоснованные требования: претендует на приличные оценки в аттестате, на положительную характеристику, а потом еще, чего доброго, и на хорошо оплачиваемую работу и счастливую жизнь. Все это – результат многолетней поддержки, близоруким благожелательности и беспечного великодушия. Если уверять безнадежного слабака, что он не хуже других, нечего потом удивляться, когда в один прекрасный день он явится в школу с самодельной бомбой и винтовкой, чтобы отомстить. Потому что так и не получил того, что ему годами обещали. А потом приходится зажженные свечи рядами выстраивать.

Последнее время все требуют возможности самореализации. Это просто смешно. Справедливости не существует. А в обществе и подавно. В природе, может быть. Неслучайно отбор сделал нас теми, кем мы сегодня являемся, – живыми организмами с наиболее развитым мозгом.

Но Шваннеке, одержимая интеграцией, не может с этим смириться. Да и чего ждать от человека, который выстраивает парты не рядами, а буквами, а стулья – полукругом. Долгое время парты стояли в форме большой буквы «С», как бы обнимавшей ее стол. А недавно Шваннеке их поставила даже в форме угловатой «О», так что оказалась связана со всеми учениками, и больше не было ни начала, ни конца, только одно совершенное мгновение, так она заявила в учительской. Ученикам одиннадцатого класса она разрешает обращаться к ней на «ты». Инга Ломарк слышала, как какая-то школьница сказала: «Мы должны называть ее Карола». Карола! Ужас! Как в парикмахерской!

Инга Ломарк обращалась к ученикам на «вы» начиная с девятого класса. Эта привычка осталась у нее с гэдээровских времен, тогда школьников в этом, возрасте торжественно принимали в члены общества. Вручали книгу «Вселенная. Земля. Человек» и социалистический букет гвоздик. Нет более действенного средства, чем обращение на «вы», чтобы напомнить подросткам об их несовершенстве и сохранить дистанцию.

На работе нет места близости и пониманию. Ученики, борющиеся за благосклонность учителя, выглядят нелепо, но их поведение понятно: они пресмыкаются перед властью имущими. Но вот что действительно непростительно – это когда учителя набиваются в друзья к подросткам. Пристраивают задницу на учительский стол. Заимствуют моды и слова. Носят яркие шейные платки. Осветляют пряди. Делают все, лишь бы только сойти за своего. Совершенно теряют лицо. Жертвуют последними остатками достоинства, чтобы насладиться мимолетной иллюзией общности. И впереди всех, конечно, Шваннеке и ее любимчики: шушукующиеся девицы, с которыми она болтает на переменах, и страдальцы с мутирующим голосом, перед которыми она разыгрывает самое что ни на есть дешевое шоу, апеллируя к их инстинктам, – губы намажет, глаза выпучит. Интересно, она себя давно в зеркале видела?

У Инги Ломарк любимчиков не было и не будет. Влюбленность – это незрелый, сбившийся с пути избыток чувств, гормонально обусловленная экзальтация, овладевающая подростками... В тот период развития, когда они уже отцепились от материнской юбки, но еще не доросли до понимания привлекательности другого пола. Поэтому адресатом неперебродивших чувств становится беспомощный сверстник того же пола или недостижимый взрослый. Щеки в красных пятнах. Мутный взгляд. Воспаленные нервы. Мучительный промах. При нормальном развитии проблема исчезает сама собой вместе с созревaniem желез. Но разумеется, тот, кому недостает профессионализма, может сбавить свой учебный материал только при помощи сексуальных сигналов. Заискивающие практиканты. Так называемые любимые учителя. Шваннеке.

Какую она развернула кампанию на педсовете, чтобы спасти этого идиота из восьмого класса! Губы намалеваны ярко-красным, лоб наморщен, кричит: «Нам же нужен каждый ученик!» Не хватало только, чтобы именно бездетная Шваннеке, которую к тому же недавно бросил муж, заявила, что дети – наше будущее.

Какое там будущее... Если быть точным, эти дети – как раз таки прошлое, а не будущее. Перед ней сидит девятый класс. Последний девятый класс гимназии им. Чарльза Дарвина. Через четыре года они станут последним выпуском. А пока Инга Ломарк должна исполнять здесь роль классной дамы. Просто девятый класс, и все. К номеру больше не нужно добавлять букв, как прежде – от «а» до «ж». Раньше такая рождаемость была – отличную роту можно было набрать, по крайней мере по количеству. А теперь и этот класс едва удалось наскрести. Почти чудом, потому что в тот год в их федеральной, земле был зафиксирован самый низкий уровень рождаемости. Следующие классы набрать уже не получилось. Даже несмотря на разговоры, о нехватке учеников, о грядущем конце Дарвиновки и решение коллег из трех общеобразовательных школ более щедро раздавать рекомендации для поступления в старшие классы гимназии. Вот и получилось, что каждого более-менее грамотного ребенка возвели в ранг гимназиста.

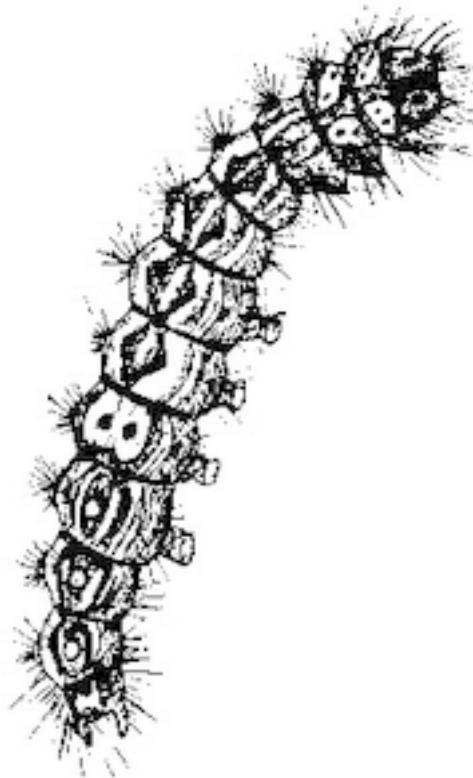
Всегда были родители, вопреки всем рекомендациям убежденные в том, что их ребенку самое место в гимназии. Но теперь в этом городе не хватает даже родителей.

Нет, в самом деле, с ее точки зрения, эти дети – отнюдь не брильянты в короне эволюции. Развитие и рост – не одно и то же. Эти ученики, до ужаса наглядно демонстрировали, что качественные и количественные изменения происходят по большей части, независимо друг от друга. Природа, нерешительно застывшая на пороге между детством и юностью, – зрелище малоприятное. Фаза развития. Подрастающие наземные позвоночные. Школа – вольер. Приближается ужасное время, нужно будет постоянно проветривать классную комнату, чтобы избавиться от запаха этой возрастной ступени. Мускус и высвобожденные феромоны, теснота, формирующиеся тела, потные подколенные ямки, сальная кожа, тусклые глаза, бурный рост во все стороны. До начала полового созревания их еще можно было чему-то научить. А сейчас уже очень трудно понять, что творится в их головах за непроницаемыми лицами: то ли они уже ушли в своем умственном развитии далеко вперед, то ли сильно запаздывают из-за кардинальной перестройки организма.

Они же не понимают, что с ними происходит, и уж тем более не в состоянии себя контролировать. Просто бессмысленно пялятся в пустоту. Апатичные, перегруженные, сконцентрированные исключительно на себе. Инертные, неспособные к сопротивлению. Кажется, что сила земного притяжения действует на них в три раза сильнее, чем на остальных... Им все дается с огромным трудом. Каждый квант энергии, что поступает в эти тела, поглощается мучительными метаморфозами, по трудоемкости ни в чем не уступающими сбрасыванию кокона. Вот только бабочки появляются на свет в результате всего этого крайне редко.

Тут уж ничего не поделаешь, процесс взросления не может обойтись без этих аморфных промежуточных форм, на которых, как нарывы, разрастаются вторичные половые признаки. Тяготы антропогенеза демонстрируются здесь в ускоренном темпе. Не только онтогенез есть рекапитуляция филогенеза, но и пубертатный период тоже. Они растут. День за днем. Скачками, особенно летом, так что после каникул их даже не сразу узнаешь. Послушные девочки превращаются в истеричных бестий, а смышленные мальчики – во флегматичных оболтусов. Плюс еще неумелые попытки выбора партнера. Нет, от природы не стоит ждать оригинальности. Только справедливости. Это состояние – сродни болезни. Остается только ждать, пока оно пройдет. Чем крупнее может стать животное и чем больше продолжительность его жизни, тем дольше длится его юность. Человеку для созревания требуется треть всей его жизни. В среднем человеческий детеныш способен позаботиться о себе по

достижении восемнадцати лет. А Вольфганг, например, выплачивал деньги, детям от первого брака аж до двадцати семи.

И вот они сидят перед ней, эти вступающие в жизнь кровопийцы. Очиняют карандаши, и перерисовывают пирамиду с доски, каждые пять секунд поднимая и опуская головы. Еще не сформировались до конца, а уже такие дерзкие и самоуверенные, бесстыдно полагают, что весь мир крутится вокруг них – какая самонадеянность! Это уже не дети, постоянно испытывающие потребность приткнуться к кому-нибудь и потому врывающиеся в твое личное пространство под любыми предлогами, вынуждая тебя к ним. прикасаться, и откровенно пляшущие на тебя, как шпана в междугороднем автобусе. Это – молодые взрослые, уже способные к зачатию, но еще незрелые, как сорванные до срока плоды. Инга Ломарк, должно быть, кажется им человеком без возраста. А скорее, она для них просто старая. Ее ученикам это состояние, наверное, представляется неизменным. Молодые стареют. Старые остаются старыми. Ее период полураспада уже давно позади. К счастью. Ей, по крайней мере, не придется существенно меняться у них на глазах. Это успокаивает. А вот она увидит их рост, как видела уже много раз. И это знание делает ее могущественной. Пока еще они едва отличимы друг от друга. Стая, нацеленная на выполнение школьных требований. Но уже совсем скоро они станут коварно самостоятельными, возьмут след и найдут сообщников. А она начнет игнорировать хромых кляч и втайне поставит на чистокровного арабского скакуна. У нее хорошее чутье. Она уже ставила на учеников, которые потом стали летчиком и морским биологом. Не самый худой улов для провинциального городка.

За первой партой пристроился запуганный пасторский сынок, выросший в окружении деревянных ангелов. В доме повсюду застывшие кляксы воска. Играет на блок-флейте.

На последнем ряду – две расфуфыренные девицы. Одна жует жевачку, другая помешана на своей черной гриве, постоянно ее приглаживает и перебирает прядь за прядью. Рядом с ними – светловолосый коротышка, ростом, с ученика начальной школы. Трагичная демонстрация разницы в развитии полов.

Справа у окна, раскрыв рот, раскачивается на стуле молодой примат, только и ждет, как бы пометить территорию каким-нибудь заурядным высказыванием. Если бы он барабанил по груди, картина была бы полной. Его нужно чем-нибудь занять. Перед ней лежал листок, на котором ученики написали свои имена. Каракули, пока еще не созревшие до подписи, имеющей законную силу. *Кевин*. Ну конечно. Другого имени и быть не могло.

– Кевин!

Кевин встрепнулся.

– Назовите экосистемы нашего региона!

Ученик, сидящий перед ним, ухмыльнулся. Ну, погоди.

– Пауль, что это за дерево там за окном?

Пауль выглянул в окно.

– Э-э-э.

Чуть слышно откашлялся. Его почти жалко.

– Спасибо.

Этому теперь есть чем заняться.

– Мы это не проходили, – заявил Кевин. Лучше ничего не придумал. Мозг – как полый орган.

– Вот как?

Теперь ко всему классу. Фронтальная атака.

– Это вопрос ко всем... Подумайте как следует.

Тишина. Наконец девочка с конским хвостом, за первой партой, подняла руку, и Инга Ломарк оказала ей любезность. Та, конечно, знала ответ. Такая ученица есть в каждом классе. Такая вот лошадка с конским хвостом, которая вытягивает урок на себе. Учебники пишут именно для таких девочек. Жадных до упакованного знания. Записывающих тезисы в тетрадь яркими чернилами. Такие еще боятся красной ручки учителя – нелепого инструмента мнимо безграничной власти.

Она знает их всех. Узнала сразу же. Таких учеников у нее было предостаточно, целые классы, из года в год. Пусть ее думают, что они особенные. Сюрпризов не бывает. Только состав меняется. Ну, кто вступает в игру на этот раз? Достаточно одного взгляда на схему рассадки. Наименование – это всё. Каждый организм имеет имя и фамилию. Вид. Род. Отряд. Класс. Но для начала можно просто запомнить имена.

Дженнифер Осветленные волосы. Прямые тонкие губы. Раннее созревание. С самого рождения занята исключительно собой. Надежды на исправление нет. Грудь почти неприличного размера. Конкурентоспособный бост.	Саския Без макияжа, может, даже и хорошенькая. Правильные черты, высокий лоб, выщипанные брови и совершенно тупое выражение лица. Навязчивый уход за волосным покровом.	Фердинанд Приветливое, но рассеянное существо. Впалые глаза. Весь в завитках, как морская свинья. Слишком рано отдали в школу. Очень позднее созревание.	Кевин Грязный и нахальный. Редкий пушок над верхней губой, жирная воспаленная кожа, прыщи. Глуп, но амбициозен — самое ужасное сочетание. Ведет себя смиренно только при постоянной кормежке. Нуждается в авторитетах. Умеренно недоразвит. Может достать кого угодно.	
Лаура Заросшая бесцветная челка над нависшими веками. Сонный взгляд. Грязная кожа. Без амбиций и интересов. Невзрачна, как сорняк.	Табиа Маугли в драных штанах и дырявом свитере. Детское личико. Дикие глаза. Искривление позвоночника, пишет левой рукой. Да и в остальном тоже не слишком перспективная.	Эрика Семейство вересковых. Наигранная печаль, сидит склонившись. Молочная кожа, веснушки. Обкусанные ногти. Сальные каштановые волосы. Один глаз ниже другого. Твердый взгляд искоса. Утомленная и в то же время внимательная.	Парль Оппонент Кевина. Бычий затылок. Высокий, мускулатура хорошо развита. Яркий персонаж. Рыжая грива. Вечная ухмылка на ярко-красных губах. Классический случай: Износостойкий и бедовый.	Том Печальное зрелище: огромное тело. Крошечные глазки на жирном лице. Полное отсутствие мысли, никак не может прийти в себя от поллюции. Протей европейский — и тот красивее. Мало надежды, что неудачные пропорции изменятся в процессе роста.
Эллен Тупое терпеливое животное. Выпуклый лоб. Взгляд как у кролика. Плавная мина, одноклассники дразнят. Уже сейчас никому не нужна, как старая лева. Всю жизнь будет в роли жертвы.		Анника Каштановая коса, неинтересное лицо. Итальянские амбиции. Безрадостная и трудолюбивая, как пчелка. Любит делать доклады. Прирожденная староста. Действует на нервы.	Якоб Пасторский сынок. Типичный зубрила. Узкогрудый. Шурит глазами, несмотря на очки. Нервные пальцы. Волосы густые, как мех у кролика. До неприличия прозрачная кожа. Как минимум трое братьев и сестер. Безобидный.	

Вот и все. Как всегда, без особых сюрпризов. Девочка с конским хвостом уже закончила. Сложила руки, на парте. Смотрит на доску.

Инга Ломарк подошла к окну. Ласковое утреннее солнце. Как хорошо. Листва уже меняет цвет. Хлорофилл разлагается и уступает место ярким, пигментам. Каротиноидам и ксантофиллам. Длинно-черешковые, изъеденные молью-пестрянкой листья каштана пожелтели по краям. Сколько мороки деревьям с этими листьями, все равно ведь с ними скоро расставаться. Так и в ее работе. Каждый год одно и то же. Уже больше тридцати лет. Каждый раз все с начала.

Они еще слишком малы, где им понять ценность совместно приобретенного знания. Не стоит ждать благодарности. Можно только ограничить ущерб. В лучшем случае. Ученики — существа без памяти. В один прекрасный день они все уйдут. И она останется одна. И руки будут такие же сухие от мела. Здесь, в этом кабинете. Вместе с кучей скатанных в рулоны таблиц и витриной с наглядными пособиями. Скелет с переломанными костями; засаленные муляжи органов, пластмассовая кожа — в рваных ранах; чучело барсука пялится мертвыми глазами сквозь стекло, мех прожжен в нескольких местах... Скоро то же самое можно будет проделать и с ней. Как с тем английским ученым, который хотел сохранить связь со своим университетом и после смерти. В виде мумии присутствовать на еженедельных заседаниях. Его последнее желание исполнили. На скелет профессора надели его одежду. И набили соломой. А голову забальзамировали. Но что-то не заладилось, и в конце концов к скелету пришлось приделать голову из воска. Инга видела его в Лондоне, когда ездила к дочери. Клаудия училась там. Профессор сидел в огромной деревянной витрине. С тростью, в соломенной шляпе и зеленых замшевых перчатках, точь-в-точь таких, как она купила себе весной восемьдесят седьмого года в дорогом магазине. За восемьдесят семь марок. Владимир Ильич хотя бы спит и видит сны о коммунизме. А этот англичанин и по сей день в строю. Каждое утро провожает взглядом студентов, идущих на занятия. Витрина ему вместо гроба. А он — памятник самому себе. Вечная жизнь. Все лучше, чем донорство органов.

– Пожилые люди, – вдруг сказала она, – пожилые люди помнят школьные годы даже тогда, когда уже забыли все остальное.

Ей школьные годы снились постоянно. Чаще всего – выпускные экзамены. Как она стояла и ничего не могла вспомнить. После пробуждения ей всегда требовалось какое-то время, чтобы понять: бояться больше нечего. Она уже на другой, безопасной стороне.

Инга обернулась. Обескураженные лица.

Нужно быть чертовски осторожной. Не успеешь оглянуться, как уже начнешь обсуждать на уроках всякую чушь. Кто что ест на завтрак. Причины безработицы. Похороны домашних животных. Все вдруг оживляются, и уроку конец. Приходится изобретать головокружительные переходы, чтобы вновь вернуться к экологическим системам, и вот уже ученики, только что слушавшие внимательно, снова сидят с пустыми лицами. Самая опасная тема – погода. От погоды рукой подать до собственного душевного состояния. Но об Инге Ломарк им ничего не узнать. Лучше всего подхватить нить на том же месте, где потеряла. Она вернулась к учительскому столу подчеркнуто медленно. Прочь от разноцветных листьев. От губительной погоды. Вперед, в атаку.

– Пациенты с болезнью Альцгеймера или деменцией часто не помнят имена своих детей или имя супруга, но знают, как звали их учительницу биологии.

Просто плохое запоминается лучше, чем. хорошее.

– Рождение ребенка или, скажем, свадьба, несомненно, важные события в жизни, но это не гарантирует им места в нашей, памяти.

Мозг подобен решетке.

– Запомните: ни в чем нельзя быть уверенным. Уверенным нельзя быть ни в чем.

Она даже постучала указательным пальцем по лбу.

Класс смотрел озадаченно.

Вернемся к уроку.

– На Земле – около двух миллионов видов животных. Когда меняются условия обитания, они оказываются под угрозой.

Полное отсутствие интереса.

– Кто назовет вымершие виды?

Поднялось несколько рук.

– А кроме динозавров?

Руки опустились. Просто зараза какая-то. Эти дети не отличат дрозда от скворца, но запросто перечислят таксономию вымерших гигантских рептилий. Нарисуют по памяти брахиозавра. Подростковое восхищение упадком. Скоро начнут носиться с мыслью о самоубийстве и шататься ночами по кладбищу. Заигрывать с потусторонним миром. Скорее мода на смерть, чем влечение к смерти.

– Тур, например. Тарпан, белоголовый сип, тасманийский сумчатый волк, бескрылая гагарка, додо. И стеллерова корова.

Они понятия не имеют обо всем этом.

– Это огромное животное когда-то обитало в Беринговом море. У нее было тело весом в несколько тонн, маленькая голова, рудиментарные конечности. Шкура толщиной в несколько сантиметров, на ощупь, как кора старого дуба. Морская корова была смирным животным. Звуков не издавала. Только тихо вздыхала, если ее ранили. Она была практически ручной и охотно выходила на берег. Ее можно было спокойно погладить. И убить.

– А откуда вы это знаете? – Эрика, просто так, не спросив разрешения.

Вопрос обоснованный.

– Из описания, данного немецким естествоиспытателем Георгом Стеллером. Он еще застал этот вид живым.

Эрика серьезно кивнула. Она поняла. Интересно, кто у нее родители? Раньше было достаточно заглянуть в журнал. Интеллигенция, служащие, рабочие, крестьяне. Офицеров причисляли к рабочим. Священников – к интеллигенции.

Эллен подняла руку.

– Да?

– А что с ней стало?

Ясно, чует товарища по несчастью.

– Мясо этих животных употребляли в пищу. Судя по всему, по вкусу оно напоминало говядину.

Корова – она и есть корова.

Вернемся к живым.

– Кто знает, какие виды находятся под угрозой вымирания в настоящее время?

Пять рук.

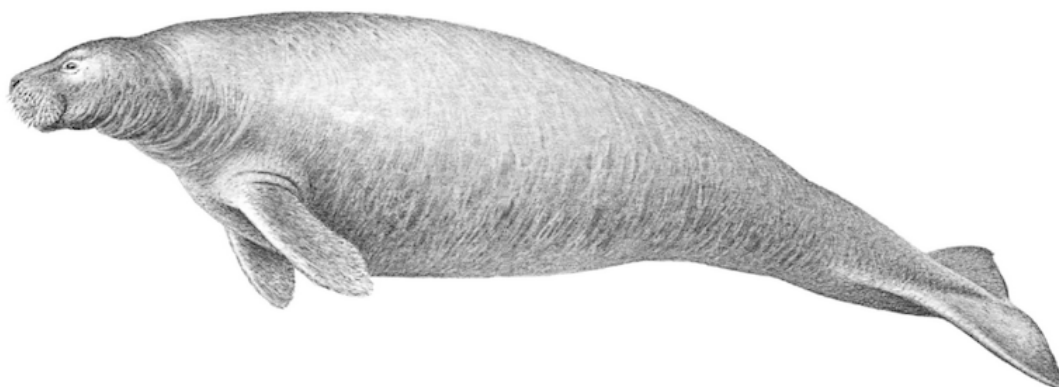
– Кроме панды, коалы и китов.

Руки снова опустились, одна за другой. Плюшевые мишки из Красной книги. Эффект Бэмби. Талисманы – индустрии игрушек.

– Может, какой-нибудь вид, обитающий в нашем регионе?

Полная растерянность.

– Малых подорликов в Германии насчитывается всего лишь около ста пар. Некоторым фермерам даже выплачивают дотации, чтобы они оставляли поля под паром. Потому что подорликам так легче охотиться. Питаются они в основном ящерицами и певчими воробьями. Подорлики откладывают два яйца, но выживает только один птенец.

Правильно расставила акценты. Теперь они прислушались.

– Птенец, вылупившийся первым, убивает второго. Он клюет брата, пока не забьет до смерти. Родители потом скормливают его оставшемуся птенцу. Это называется врожденным каннибизмом.

Так, посмотрим на первый ряд. Пасторский сынок не дрогнул. Интересно, он уже утратил свою детскую веру? Чтобы выжить, недостаточно забраться в Ноев ковчег. Итак, повторим.

– Один птенец убивает другого.

Немой ужас.

– Это не жестоко, это естественно.

При определенных обстоятельствах даже убийство птенцов – это забота о потомстве. Теперь они проснулись. Море крови, горы трупов.

– А зачем они тогда вообще откладывают два яйца? – Пауль. Кажется, ему действительно интересно.

– Про запас.

Это же так просто.

– А родители что? – широко распахнутые глаза Табеи.

– Наблюдают.

Прозвенел звонок. Это лишь начало, только первый урок.

Неплохой получился финал. Точно в цель. Звонок не звенит, он дребезжит. Все еще сломан. А ведь она еще до каникул ходила к Кальковскому. Первый раз была у него в кабинете, под который он приспособил бывшую котельную. Стены увешаны плакатами с животными. Тщательно прибранный письменный стол. Все еще пахнет углем, хотя школа давно уже перешла на центральное отопление. Она попросила убрать в конце концов кусочек картона, который ученики тринадцатого класса засунули за кнопку звонка – пошутили на прощание. Кальковский сидел развалившись на продавленном, офисном, кресле, что-то там плел про месть. Месть выпускников за год жизни, потраченный. впустую. И ведь всерьез говорил. Напомнил ей Каттнера. Среди изображений природы на стене – фотография женщины с обнаженной грудью. Такое же голое животное, как и остальные. Завхоз – он и есть завхоз. Но он прав. Постоянно меняющиеся учебные планы, вечные реформы. Решения ландтага, региональное министерство образования. Учебный материал можно пройти и за двенадцать лет. И даже за десять, если выбросить все лишнее. Всю эту художественную ерунду, например. Но звонок можно было и починить.

А ученики уже засовывали книги в сумки, нацелились бежать на перемену. Инга Ломарк тут же назначила дополнительное время. В отношениях должна быть ясность. С первого урока.

– Встаньте, пожалуйста.

Она говорила, они делали. У нее ученики всегда вставали в начале и в конце урока. Это сигнал, дублирующий звонок. Прошедший испытание временем. Ее система преподавания включала в себя меры, которые складывались и отрабатывались постепенно, на протяжении долгих лет ее учительствования. Рано или поздно опыт заменяет всякое знание. Правильно только то, что проверено на практике.

– К четвергу, – она глубоко вдохнула, чтобы потянуть паузу, – выполните задания пять и шесть.

Нарочитая пауза.

– Теперь можете идти.

Это прозвучало милостиво. Так она и хотела. Ученики тут же понеслись вон из класса.

Инга Ломарк открыла окно. Наконец-то свежий воздух. Деревья шумят. Тянет дымом от костра. Видимо, уже жгут листву. Глубокий вдох. Вот так, хорошо. Пахнет осенью.

Вот так всегда. Думаешь, что уже ничего больше ее изменится, все так и будет дальше продолжаться, и тут наступает следующее время года. Естественный ход вещей. Внезапно нахлынули воспоминания. Что было в прошлом году? Благая весть Каттнера. Обескураженные коллеги. А что они думали? Что в последний момент сюда переселится многодетная семья с высоким уровнем образования? Тогда уж это должны были быть мормоны. Хотя у их инцухтного приплода все равно не хватило бы мозгов попасть в гимназию. А в позапрошлом году? Первые страусы. Девять птиц. Вольфганг повязывал им на ноги цветные чулки, чтобы не перепутать. Девять страусов в ярких под вязках на выгоне. Вот было пищи-то для разговоров. Зеваки навевались каждый день. Восемь самок, один самец. А сейчас уже тридцать две птицы. Целый школьный класс. Во всяком случае, по прежним меркам.

Она заперла дверь.

– Чуть повыше, пожалуйста.

Этого еще только не хватало. В коридоре стояла Шваннеке и два ученика из одиннадцатого класса. Мальчики держали у стены картину. У окна – Шваннеке на цыпочках. Дирижирует, размахивая руками. Короткое платье надето поверх джинсов. Вспомнила бабка, как девочкой была.

– Да, так хорошо, – Шваннеке растопырила пальцы в воздухе. – А, госпожа Ломарк! – сделала вид, что обрадовалась. – Я решила украсить коридор. И так как мы начинаем учебный год с импрессионизма...

На стене и в самом деле красовалась какая-то болотистая мазня.

– Я и подумала – кувшинки Моне прекрасно подойдут к вашим медузам, – она захлопала в ладоши. – Я подумала, вашим медузам нужна компания.

Просто невероятно. Она действительно осмелилась повесить эти свои водные растения рядом, с великолепными медузами. Как будто недостаточно, что кабинет художественной культуры находится на том же этаже, что и класс биологии, и ученики постоянно заляпывают коридор тушью. Но до сих пор хотя бы граница не нарушалась. Инге Ломарк принадлежала стена по эту сторону туалетов, а Кароле Шваннеке – по ту. Теперь она зашла слишком далеко. Но начинать военные действия в первый учебный день из-за какой-то мерзкой картинки? Только спокойствие. Умное животное выждет.

– Медузы Геккеля, уважаемая коллега. Это все еще медузы Геккеля.

– Главное здесь – субъективное впечатление, отсюда и название импрессионизм. Важно непосредственное впечатление, абсолютно непосредственное.

Шваннеке вошла в раж. Ученики стояли без дела, тупо кивали и не решались убежать на перемену. Только потому, что могли называть ее Карола.

На картине было изображено какое-то бесформенное, безбрежное пространство. Невяротный сумбур словно протухших красок. Пятна плесени. Все коренится в тине, на дне лужи, в стоялой воде. Сладковатый запах гниения. Так называемый модернизм. Красота природы не нуждается в очуждении. Чтобы ее показать, нужна только исключительная точность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.